

78.03.03

ПЕТЕРБУРГ ЗАБЫЛ О ШТОКОЛОВЕ?

Вдова великого певца недоумевают, почему его 75-летний юбилей отмечают во всем мире, но только не в родном городе

В НАЧАЛЕ января не стало народного артиста России «великого русского баса» Бориса Тимофеевича Штоколова. Чуть-чуть недотянул он до юбилея - 19 марта ему исполнилось бы 75 лет. Корреспондент «Смены» встретился с вдовой певца Ниной Сергеевной.

«Борис, остаешься за старшего!»

Детство Бори закончилось в девять лет. Шел 39-й год. Как-то раз его отца, Тимофея Ильича, начальника ОСОАВИАХИМа, оштрафовали соседи: «Беги, - шепнул он ему. - Завтра тебя прирут арестовывать!» Отец ночью посадил семью на подводу и отправил через реку. Прощай родное село недалеко от Новокузнецка, прощай пес Джунгар! Начались гонения. Отец за правой поехал в Москву, чуть ли не с самим Калининым добивался встречи, обвинение с него сняли. Но пришла война, Тимофей Ильич ушел на фронт и вскоре пропал без вести. Перед уходом он отдал Боре свои часы и сказал ему: «Борис, теперь ты старший мужчина, береги семью!» Боря делал все что мог. И подворовывать приходилось, чтобы достать хлеба. И обувь он чистил на одной из площадей Свердловска, подходил милиционер, пинал ящик, прогонял мальчишку.

Романтика Соловецких островов

В 14 лет друг Бориса сказал ему: «На Северном море есть школа юнг. Там кормят хорошо». И вот Штоколов на Соловках. Ранние побудки, выходы в море, жизнь в матросском коллективе. Именно там, на Севере, зародилась мечта - петь. Борис стал запевалой роты. Море воспитало в Борисе ответственность, выдержку и особую походку. Поэтому уже позже, учась в Свердловске и посещая занятия старенькой

учительницы пения, Боря не раз выслушивал нелестные отзывы о походке: «Ах, Боря, как ты ходишь! Учись ходить! Учись носить смокинг, фрак, учись говорить - ведь ты хочешь стать артистом!»

А еще Соловки сделали его на всю жизнь романтиком. Иногда на даче вечером попьем чайку, я занимаюсь своими делами, а Боря выйдет на крыльцо и смотрит на небо. Я подойду, скажу: «Чего стоишь, холодно уже!», а он: «Да я звезду свою ищу. Вон она». Нас, наверное, это и объединяло, что мы оба романтики...

Звезда Штоколова зажглась благодаря Георгию Жукову

С Балтийского моря Борис сбежал в Свердловск и поступил в школу ВВС. На выпускном вечере его услышал присутствующий в качестве почетного гостя маршал Жуков. «Тебе надо петь», - сказал он и специальным указом отправил Штоколова на дневное отделение Свердловской консерватории. Борис называл Жукова своим крестным отцом, ведь тот помог ему в осуществлении мечты и следил за его судьбой. Штоколов даже ночевал у Георгия Константиновича, а тот разрешал Борису поддерживать свой мундир со всеми орденами. В семье сохранилось факсимиле Жукова, где он написал: «Я рад, что ты стал звездой первой величины».

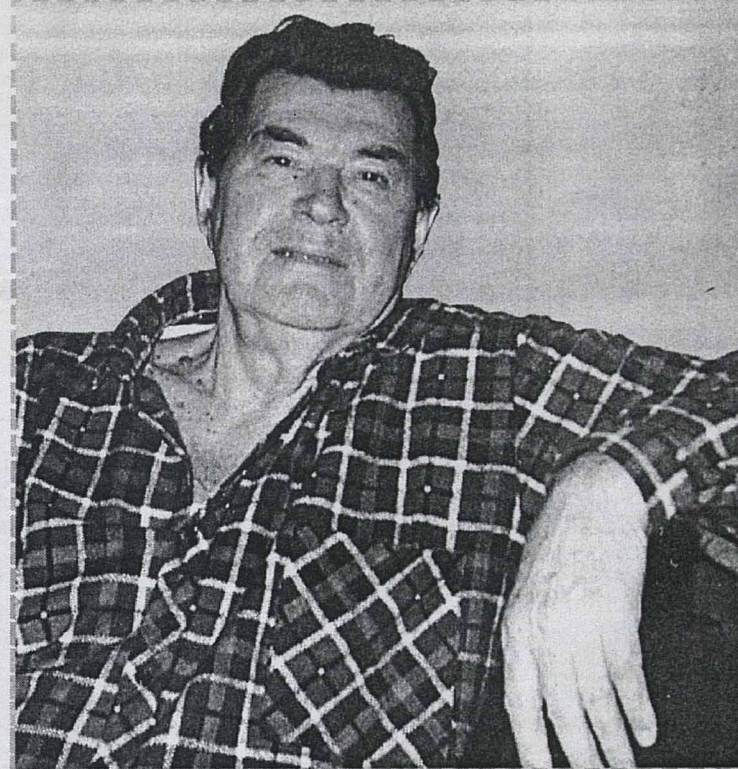
Глотка, как у Шаляпина

Каждое слово Бориса Тимофеевича было слышно на самом последнем ряду! Он упражнялся ежедневно с того момента, когда еще юношей прочел книгу Карузо «Как надо петь». Упражнения были не из приятных: он набирал речных камешков, заворачивал их в платочек, клал в рот и проговаривал слова песни, которую надо

было разучить. Или специально черенком ложки топил язык, чтобы увеличить глотку. Потом он научился «открывать» ее волевым усилием, да так, что рука, положенная на шею, отлетала. Он сделал себя сам - и показывал ученикам, чего можно добиться: посветив фонариком, можно было увидеть его связки! Такая глотка - глотка-рупор - была только у Шаляпина, но ему она досталась от природы. Карузо сделал себе глотку сам, и Штоколов последовал его примеру. Борис Тимофеевич упражнял глотку везде - в метро, в лесу, за рулем автомобиля, в электричке. Каждое утро начиналось с распевок по два-три часа. Иногда слышу - посреди ночи не может уснуть, подходит к роялю, наигрывает и напевает что-то вполголоса. Считается, что век певца недолог - Борис утверждал, что в 70 лет голос звучит лучше, чем в 45. Надо просто держать себя в хорошей физической форме. Каждое утро он поднимал гантели, мы с ним очень много гуляли, когда летом ездили в Анапу, ходили вдоль берега по 12 километров! Борис Тимофеевич собирался дожить до 100 лет и дожил бы! Если бы не эта нелепость - грыжа, перитонит... и вот его уже нет.

Ради Штоколова останавливались трамваи

Хотя Борису Штоколову и приходилось выступать перед вождями - он лично был знаком с Хрущевым и Брежневым, - но пел он всегда исключительно для людей. И народ отвечал ему взаимностью: узнавал на улицах. Один раз даже трамвай остановился, вагоновожатый выбежал, кричит: «Стойте, вы ведь Борис Штоколов?» Борис Тимофеевич ему басом: «Да». - «Я хочу вашу книгу приобрести, ваши записи, помогите!» А еще я помню: мы идем по Москве, по подземному переходу. И стоит нищий с гармонью, слепой, и поет «Гори, гори, моя звезда!» А когда мы подошли, он крикнул (хотя не видел нас): «Лю-

Русский Карузо в детстве чистил обувь на смоленских площадях, чтобы заработать на хлеб

ди! Этот романс поет народный артист Штоколов и никто лучше него не поет!» Борис Тимофеевич тогда оглянулся по сторонам, вынул из кармана денежку и положил ему.

В Петербурге его не ценили

Штоколову рукоплескали концертные залы всего мира, в одном только Париже он был больше пятнадцати раз. Неоднократно предлагали остаться за границей, но верность - Родине, семье, пению - была одним из главных качеств Бориса Тимофеевича. Он очень переживал из-за распада Советского Союза и культурного обнищания страны. Борис Штоколов не признавал тот «бум-бум-бум», который сейчас именуют музыкой. После ухода из Мариинки в 1990 году ему мало удавалось выступать в своем городе - не давали зала. Чаще в Москве и в других городах России. Даже после смерти - его юбилей отмечает Москва, а в Питере - молчание...

В Анапу навстречу счастью

Я впервые услышала Штоколова в 19 лет по радио и тогда подумала: вот лучшее, что может быть. С его женой - Надеждой Петровной - я дружила четверть века. Впервые оказавшись у нее

дома, я, не зная, кто ее муж, увидела афиши Штоколова и подумала: как хорошо, что людям нравится то же, что и мне! А когда Нади не стало, я думала сначала только о себе - какого друга я потеряла. Но когда я увидела, как переживает Борис Тимофеевич, поняла, что мое горе - ничто. Они ведь всю жизнь вместе прожили. Я стала приходить в его дом, разбирала ноты, давала советы. Так прошел этот страшный год после смерти Нади. А летом Борис Тимофеевич говорит: «Знаешь, я так устал, давай поедем к морю». И только в самолете он взял меня за руку и сказал: «А может, мы за своим счастьем едем?» С тех пор и началась наша музыка... Мы были очень созвучны, во всем гармония была, можно сказать, читали мысли друг друга. А какой он был прекрасный семьянин! Помогал мне во всем, даже сок овощной вместе выжимали. Вот не стало его, а мне все кажется, что он здесь живет, ходит по комнате, подходит к роялю. Вот-вот откроется дверь, и он зайдет и скажет свое любимое: «Ну как, золотко?»...

Борис Тимофеевич очень любил море. Даже предлагал переехать туда, хотя бы на полгода. А зиму в Петербурге проводить. Романтик! Он часто вспоминал Хемингуэя: старик выходил к морю и смотрел на него. А однажды старик не вышел к морю. Штоколов любил этот рассказ...

Любовь РУМЯНЦЕВА